

DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.1.07

УДК 94(47+57)16'-057,166

М.Б. Булгаков, А.В. Барсукова

ДВОРЦОВЫЕ СОКОЛЬНИКИ В РОССИИ В XVII ВЕКЕ

Актуальность выбранной темы определяется относительной малоизученностью затрагиваемых в публикации вопросов, посвященных иерархии, порядку организации такой специальной государственной службы, как дворцовые сокольники. Цель статьи – расширение базы архивных сведений по данной тематике. В процессе исследования применялись методы источниковедческого анализа и систематизации исторического материала. На конкретных исторических фактах описана государственная служебная организация сокольников, кречетников, ястребников и провинциальных помытчиков в России в XVII веке. Особое внимание уделено положению данных специалистов при царе Алексее Михайловиче Романове. Авторы показали ключевые характеристики их социально-экономического, правового, профессионального положения, обратились к содержанию их служебной деятельности. Особое внимание авторы уделяют описанию социальных групп, служивших источниками пополнения корпорации этих специалистов, перспективам развития их профессиональной карьеры, составу их должностных поручений – от прямых обязанностей, в том числе участие в дипломатических миссиях с целью преподнесения сокола как особо ценного подарка восточным властелинам, до заданий, не связанных с обеспечением и проведением царской охоты. Среди провинциальных представителей данной профессиональной группы есть профессиональные, добровольные, приглашенные по найму участники ловли и доставки хищных птиц в царское хозяйство. Приведены фактические примеры данных видов деятельности.

Ключевые слова: царская охота, государева служба, XVII век, сокольники, помытчики, приказная система.

M.B. Bulgakov, A.V. Barsukova

GOVERNMENTAL FALCONERS IN RUSSIA IN XVII CENTURY

The relevance of of the chosen theme is determined by the relatively little-studied issues covered in the publication devoted to the hierarchy, order, organization of public service a specialized corporation as governmental falconers. The purpose of the publication is to broaden the base of archival information on the subject. During the research applied the methods of source analysis and systematization of the historical material. In article on concrete historic facts authors considered the state organization of falconers and of provincial catchers of birds of prey in Russia in the 17th century. They have paid special attention to situation of these experts at the Tsar Alexey Mikhaylovich Romanov. Authors showed key features of the social and economic, legal, professional position of these experts, in detail addressed content of their official functionality. They focus on the description of social groups serving replenishment sources for the corporation considered the governmental of experts, the prospects for the development of their professional career, part of their job orders, which ranged from duties, including could include participation in diplomatic missions with the aim of presenting a falcon as a particularly valuable gift oriental potentates, to tasks not related to the provision and holding the royal hunting. In characterizing the provincial hierarchy level in this occupational group represented professional, voluntary, self-employed invited participants in the process of fishing and shipping of birds of prey in the royal household, given actual examples of these activities.

Keywords: Tsarist Hunting, government service, 17th century, falconers, catchers of birds of prey, central administration establishments.

Интерес к жизни царских особ всегда будет источником для исследовательских размышлений. Важным представляется, что в стремлении к реставрации исторического знания, связанного с царским бытом эпохи первых Романовых, зачастую обновляются факты, раскрывающие особенности организации государевой службы, направленной на обеспечение досуговой составляющей жизни царских особ. На основе архивных данных авторы исследуют социально-экономические, юридические и профессиональные аспекты организации государевой службы сокольников, кречетников, ястребников, основная функция которых состояла в подготовке и проведении царской соколиной охоты.

© Булгаков Михаил Борисович – доктор исторических наук, независимый исследователь (г. Коломна, Россия), e-mail: vrubel14@yandex.ru.

Барсукова Анжелика Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (г. Коломна), e-mail: vrubel14@yandex.ru.

Наиболее полным и ценным исследованием, посвященным царской охоте в России в целом и соколиной охоте в частности, является исторический очерк Н.И. Кутепова, первый том которого вышел в 1896 году, а заключительный, четвертый – в 1911 году. В современной историографии данная тема прирастает фактами локального и регионального уровней, в общероссийских исследованиях она частью пополняется при изучении быта царских особ, организации и функционирования приказной системы и государственной службы. Именно поэтому в представленном материале авторы сосредоточились на тематической конкретизации исторических сведений о дворцовых сокольниках и кречетниках в России в XVII веке, выявленных ими в фондах РГАДА.

Соколиная охота, как и другие виды подобного времяпрепровождения, переживала время расцвета и упадка. Особенно любил соколиную охоту царь Алексей Михайлович Романов, считавший эту охоту «доброй потехою, которой утешается сердце и отвлекаются мысли от скорбей и печалей». Царь непосредственно принимал участие в составлении в 1649–1650 годах специального пособия по соколиной охоте, краткое название которого «Уложение сокольничья пути».

В этом пособии, рассказывающем о способах работы с птицами во время охоты, несколько раз упоминался «верховный подьячий соколиного пути» Василий Ботвиньев [1, с. 272]. Этот подьячий постоянно находился при царе и ведал сокольниками Потешного двора в селе Семеновском. Впоследствии он был подьячим приказа Тайных дел [2, с. 67], куда были переведены дворцовые сокольники и кречетники. Сокольники также жили в селах Коломенском и Ваганьковском. Там они принимали в царские соколики диких птиц, выловленных в разных местах Российского государства. В этих подмосковных селах при царе Алексее Михайловиче содержалось до 3 тысяч ловчих птиц. Кроме соколов и кречетов – белых крупных соколов, там же находились и ястребы, которых обслуживали ястребники. Там же в больших голубятнях содержалось до 100 тысяч голубей – живого корма для соколов и приманок для их обучения [3, с. 27–28].

Помимо того, из разных мест доставлялся дополнительный корм – битые голуби. Из источника более позднего времени известно, что в 1695 году государевы ястребники Семеновского Потешного двора Яков и Иван Коноплевы были отправлены в Суздальский уезд «по гумнам голубей ловить, снимать с изб и бить». Эти ястребники из вотчин Суздальского Покровского монастыря привезли в Москву подводы с битыми голубями (590 гнезд) [4, с. 271].

В службу дворовых сокольников и кречетников входило много обязанностей. Они обучали, кормили, лечили, обучали и тренировали доставленных на Потешный двор диких птиц. Они же сопровождали с птицами государя и его свиту во время царской охоты летом и осенью (зимой птицы отдыхали) в ближних и дальних подмосковных полях.

Для царской охоты использовались исключительно благородные ловчие птицы – соколы и кречеты. Все ловчие соколы – были самками, птицами высокого полета. Соколы били добычу (голубей, уток, перепелок, куропаток и др.) сверху когтями. Неблагородные же птицы низкого полета (ястребы, орлы, коршуны, сарычи) ловили добычу «в угон» – горизонтально, по кустам и зарослям, в основном кроликов и зайцев.

Соколы и кречеты оценивались по их летным характеристикам: «по ставке» и «по верху». «Ставка» была той высотой, на которой сокол останавливался в полете и, увидев добычу, резко устремлялся (камнем вниз) на нее. «Верх» сокола – это максимальная высота полета (выше «ставки»), которую он мог достичь. «Верх» мог быть высоким, средним и малым. Сокол с высоким «верхом» был практически не виден с земли и казался маленькой точкой в небе.

Царь Алексей Михайлович постоянно «тешился» соколиной охотой и своими эмоциональными впечатлениями о ней делился в письмах 1646–1662 годов к своему двоюродному брату по матери А.И. Матюшкину [5].

Царская соколиная охота представляла собой пышное, красивое зрелище. Сокольник-охотники, нарядно одетые, сажали соколов (кречетов) себе на руку, защищенную от их когтей специальной кожаной или замшевой перчаткой. На голове птиц были шапочки – клобучки, которые закрывали им глаза. Клобучки вышивались разноцветным шелком, серебром и золотом и украшались разноцветными перьями. На птиц надевали бархатные цветные нагрудники, унизанные мелким жемчугом. Лапы птиц крепились к перчатке сокольника кожаным ремешком. Увидев добычу, сокольник быстро отстегивал ремешок с лап птицы, снимал с ее головы клобучок и подбрасывал птицу вверх. Поднявшись на свою «ставку», сокол, усмотрев добычу, кидался на нее с высоты и бил налету. Ловчие соколы и кречеты использовались на охоте 2–3 года, потом заменялись новыми обученными птицами.

Среди выезжающих на царскую охоту сокольников была определенная специализация: 1) сокольники, которые доставляли птиц к месту охоты в небольших деревянных клетках с насестами-шестами внутри; 2) сокольники-охотники, держащие птиц на перчатке и выпускающие их на добычу; 3) сокольники-стрелки, добывающие раненую соколами и кречетами дичь.

Работа ястребников была простой – они лишь выпускали птиц из своих рук, как только увидят добычу, и ястребы устремлялись за ней вдогонку и, догнав, били на ходу. Клобучков и нагрудников у ястребов не было. Клобучки и, вероятно, нагрудники изготавливал для птиц один специальный мастер при царской мастерской.

Царские сокольники также сопровождали отобранных царем в подарок властелинам обученных боевых птиц, с которыми они находились при русских посольствах [3, с. 27]. Так, в 1663 году при посольстве в Персию во главе с окольным и наместником Новоторжским – великим и полномочным послом Ф.Я. Милославским ехал сокольник Парфений Тоболин с отобранными самим царем Алексеем Михайловичем для шаха Аббаса II соколами и кречетами. П. Тоболин был снабжен подробнейшей царской инструкцией, как подносить шаху птиц и как ими «тешить шах Аббасово величество» [1, с. 255]. Примечательно, что отец этого сокольника Яков Тоболин в 1624 году со своими товарищами сокольниками, кречетниками и ястребниками был также отмечен в составе дипломатической миссии – русского посольства в Крым [6].

Помимо своих непосредственных обязанностей, дворцовые сокольники и кречетники по распоряжению царя выполняли и другую работу, напрямую не связанную с их сокольничьей службой.

Известно, что до 1695 года во дворце находилось 300 сокольников. Петр I оставил на сокольничьей службе только 50 человек, в числе которых были и дворцовые ястребники, а остальных перевел в другие дворцовые службы и в потешные солдаты [7, с. 331]. Петр I не любил ни псовую, ни соколиную охоту. Обученных птиц он держал для подарков властелинам разных стран.

До петровских перемен, при Алексее Михайловиче, когда сокольники и ястребники со своими птицами были переведены из дворцового ведомства в ведомство приказа Тайных дел, на обслуживание сокольничьего хозяйства (уборка и ремонт помещений, где содержались птицы, кормление, лечение, тренировка, хранение охотничьего снаряжения и т.д.) из приказа ежегодно выделялось до 75 тыс. рублей [1, с. 262–263]. Сокольники, как и весь штат Потешного двора, «пили и ели царское». Им ежегодно выделялось в немалом количестве разнообразное продовольствие: рожь, овес, солод, крупы, соль, мед, бараны, поросята, гуси, утки, куры, конопляное масло, мак, вино, ветчина [1, с. 214]. Конечно, такая забота о сокольниках, непосредственно исходившая от самого царя, обеспечивала их верную и преданную службу для утех великого государя.

Пополнение ловчими птицами царских соколен осуществлялось усилиями местных дворцовых сокольных и кречетых помытчиков-ловцов. Они жили в специальных слободах в разных местах государства и обладали известными льготами: не платили государевых податей, т.е. были беломестцами, не были подсудны местным воеводам, к ним на дворы не определялись на постой стояльцы, они могли варить пиво и вино «на себя, а не на продажу» и т.д. В их обязанности входили «помыкание» (ловля) определенного числа соколов и кречетов в год, что составляло их оброк, и доставка птиц в Москву на Потешные дворы. Известны, например, такие слободы в Переяславле-Залесском [8] и в Ростове Великом [9], а также в разных близких и отдаленных от Москвы уездах.

Так, после писцового описания Можайского уезда Н. Неплюевым и подьячим А. Берестовым можайские сокольи помытчики в 1631 году в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу просили сохранить за ними их привилегии, определенные им по государевой грамоте [10].

Слобода дворцовых помытчиков была и в Белозерском уезде [11]. Так, в 1680 году белозерские помытчики Григорий Федоров с товарищами писали в своей челобитной царю Федору Алексеевичу: «помкнули мы, холопы твои, на твое великого государя счастье оброчных птиц на нынешний 188 г. 4 сокола дикомыта (дикомыты – дикие взрослые соколы, перемытившиеся, т.е. перелинявшие на воле и пойманные в полном уже оперении – М.Б., А.Б.) да ястребы молодика да сверх оброку 3 сокола дикомыта» и просили для доставки птиц в Москву «ямские подводы и прогонные деньги» [12].

В государевых слободках жили потомственные сокольники, предки которых, вероятно с конца XV века, «помыкали» и доставляли во дворец соколов и кречетов для московских великих князей. В состав дворцовых сокольных помытчиков в XVII веке могли попасть и посадские люди по их челобитиям [9, с. 98].

Такие местные дворцовые сокольи помытчики, поставлявшие во дворец соколов и кречетов для царской охоты, образовывали низшее звено двухуровневой государевой служебной организации сокольников. Высшее звено этой организации представляли московские сокольники и кречетники, обеспечивающие подготовку и проведение царской соколиной охоты.

Птиц для царской охоты, помимо сокольных дворцовых помытчиков, из разных мест добывали посадские люди и уездные черносозные крестьяне Европейского Севера России в порядке государственной службы-повинности, как явствует из одного документа Новгородской четверти. В середине XVII века для государева кречетьего промыслу в шесть мест Двинской земли «надобно 76 человек, к тому же промыслу в целовальники для досмотру над птицами – 8 человек, к Москве для кречетьей отдачи – 21 человек» [13]. Всего, таким образом, в ловле и доставке в Москву хищных птиц было ежегодно занято из тяглого населения Двинского края, по выбору и по очереди, 105 человек. Это объяснялось тем, что ловчие птицы приполярных областей, как крупные, так и мелкие соколы, которые назывались дермлигами, очень ценились, так как на охоте были лучше других – очень ловкие и красивые. Они составляли гордость царских соколен.

Кроме того, дворцовое ведомство поощряло инициативу поморских промышленников, когда они ходили на свои звериные и рыбные промыслы и попутно добровольно ловили соколов и кречетов для государя. Также некоторые тяглые крестьяне поморских областей, набравшиеся опыта в ловле птиц во время обязательной выборной кречетьей службы и умевшие это делать для своих охотничьих нужд, специально ловили птиц для государя. Такие поселения тяглых крестьян, умеющих ловить птиц, поселения кречетых помытчиков (помочников) упоминаются, например, на Пинежском волоке Холмогорского уезда. Эти помытчики в 1621 году выплачивали со своего поселения «данные и оброчные деньги и за наместнич доход оброку и пошлин 174 р. 7 алт.» [14].

Если выборные тяглецы для кречетьего промысла обеспечивались необходимым инвентарем для ловли птиц (колпачные сети, силки, схватни, кутни, опутенки и т.д.), а также водным транспортом (баркасы, ладьи, кочи) за счет посадского и волостного земства, то добровольные охотники на птиц для государя обходились своими средствами.

Увлечение поморских жителей ловлей птиц на государя в добровольном порядке объяснялось тем, что за каждую птицу им полагалось вознаграждение в размере двух рублей по специальному государеву указу, о котором упоминает холмогорский воевода в 1684 году в своей переписке с московскими приказами. Из отписки воеводы Н.К. Стрешнова в приказ Большого дворца от 1684 года узнаем, что в этом году тяглые крестьяне Непеинского волока Федька и Сережка Бурковы «ходили на Терский берег и на Пустозерский острог на старые кречетьи поемки (здесь поемки – территории, пространство, где охотились дикие соколы – М.Б., А.Б.) десять человек без найму собою и помкнули на тех поемках 12 птиц и за те птицы по государеву указу и по грамоте из Новгородской четверти братьям Бурковым велено на Холмогорах ис таможенных доходов дать по 2 рубля за всякую уловленную птицу» [15, л. 10]. Из этой же отписки воеводы видно, что, кроме перечисленных форм ловли диких соколов и кречетов, обязательной (т.е. службы-повинности) и добровольной, существовала еще и такая, как ловля птиц для государя по найму.

Из царской грамоты в Холмогоры от 18 февраля 1684 года за приписью думного дьяка Е.И. Украинцева мы узнаем, что «великие государи милостливо жалуют и похваляют» боярина и воеводу Н.К. Стрешнова за то, что «он прислал в Москву с двинским кречетьим помытчиком Ларькой Рохлецовым с товарищи 34 птицы» и «присланы те птицы сверх указанного числа» [15, л. 11].

Из этого документа видно, что для каждой «ватаги» кречетьих помытчиков заранее задавалось добыть определенное число соколов, примерно по два-три на человека, в зависимости от количества помытчиков в ватаге, от плотности обитания птиц в месте охоты, от погодных условий и т.д. За превышение определенного числа птиц за охотничий сезон команда помытчиков получала денежное вознаграждение.

Всего же из тяглых крестьян – двинских кречетьих помытчиков, ловивших птиц по очереди и по выбору (по повинности), в охотничий сезон отправлялось за птицами для ловли на государя не менее шести ватаг, каждая в определенное место. Если в этом месте ватага «не помкнула» заданное число птиц, то она могла добрать их в других известных ей местах, но не вторгаясь при этом в места («проторы») других ватаг.

Дорожным транспортом от Холмогор до места охоты и обратно кречетники обеспечивались на «ямах» по пути следования, а где не было «ямов», то транспорт им обязано было предоставлять местное земство, что было расписано в подорожных воеводских грамотах.

Так, в расходной книге мезенских земских целовальников записано, что 9 ноября 1662 года «приезжали от моря с тундры на оленях в Окладниковую слободу кречатьи помытчики Федька Артемьев и товарищи, 10 человек да целовальник, у них было 27 птиц с приезде дано им на сутки за кречетный корм деньгами 9 алтын, а в ряду продажного мяса не было, им же дано сальных свеч для свету, кречатьих кормов на 4 деньги, да до 26 ноября даваны на двое суток на корм и свечи по 15 алтын, а стояли они в Окладной слободке на земском дворе» [16, л. 26 об. – 27].

В тот же день записано, что «еще одна кречетничья ватага 11 человек и целовальник приехала сверху с Мезени к Лампожне, везли 30 птиц, давали 13 подвод для их отправки до Холмогор, за подводы крестьянам дано 2 р. 15 алт. 4 ден., стояли они у Мишки Афонасьева двое суток, ему дано постоялого 6 алт. 4 ден.» [16, л. 36об.].

Иногда волостное земство не выполняло строго предписаний воеводских подорожных грамот на основе государева указа об обеспечении кречетников с транспортом и кормом для птиц. Так, из известной челобитной двинского выборного кречетьего целовальника Кирилла Мосеева да кречетьих помытчиков Кондрата Проскурина с товарищами (8 чел.) выясняется, что они, помытчики, «были в Пустозерском остроге с государевой казною и с кречетами и отпущены они были ис Пустозерского острога стольниками и воеводами Леонтеем Романовичем и Иваном Яковлевичем Неплюевыми к Колмогорам до Устьцелимской слободки и сотник Парфен Торопов и волостные крестьяне их держали там 2 недели, а корму птицам дали вперед в дорогу до Мезенского уезду на 12 дней, а на 2 недели, что их держали в Устьцелимской слободке корму птицам не давали и они в те дни покупали корму птицам сами на свои деньги... и бес корму у них 2 птицы померли, остальные ослабли и те крестьяне слободки повезли их на лошадях и поставили их на тундре на пустом месте верст за 30 от слободки и держали с неделю и больше, а корму птицам не дали и после того привезли крестьяне к ним оленей и повезли те птицы на оленях, а им до Мезенского уезду подвод не дали и шли они все пеши» [17].

Этот извет помытчики подали по прибытии в Холмогоры в съезжей избе воеводе Афонасию Зыкову, который допросил свидетелей их задержания в Устьцелимской слободке – «Пустозерского кружечного двора голову Евсея Тихонова сына Шевелева, пустозерских стрельцов Михаила Машигина и Якова Первого, двинских хлебных целовальников Микифора Васильева с товарищем да Молчана Пьянова Холмогорца». Они полностью подтвердили все изложенное в извете, и воевода 17 января 1674 года послал об этом деле отписку в Новгородскую четверть.

Каков был ответ из Москвы, неизвестно, но, очевидно, холмогорскому воеводе было приказано дать распоряжение о наказании Устьцелимских сотника и земских целовальников: денежный штраф или битье батогами с посадкой в тюрьму на несколько дней, как это было при «ослушании» государевых предписаний.

Холмогорский воевода помытчиков или добровольных ловцов с пойманными птицами со своей отпискою и подорожной грамотой отправлял в Москву. Так, в подорожной грамоте Н.К. Стрешнева от 20 сентября 1683 года, выданной двинским кречетьим помытчикам Григорию Баневу с товарищами, 15 человек, было написано: «По указу великих государей Ивана и Петра Алексеевичей от Архангельского города до Осиповской волости и до Ягрыша и до Устюга Великого и до Тотмы и до Шуйского городка и до Вологды и до Ярославля и до Переяславля-Залесского и до Москвы по ямам ямщиком, а где ямов нет всем людям безомен чей хто не буде, чтоб... давали двинским кречетьим помытчикам... великих государей под кречеты и челиги (челиги – это самцы ловчих птиц – М.Б., А.В.) под 73 птицы водяным путем до Вологды на готовые на два карбаса, каковы им даны у Архангельского города по носовщику да по кормщику, да по 10 человек гребцов, а от Вологды до Москвы сухим путем давали им под те птицы 18 подвод да под помытчиков... 15 человеком 7 подвод, летом телеги, зимой сани и с проводники везде не издержав ни часа до Шуйского стройного яму бес прогонов, а от Шуйского стройного яму до Москвы писали б у них кречетьих помытчиков за те подводы по указу великих государей, а корм тем птицам от Архангельского города до Осиповской волости имать по городам у воевод и дьякова по ямам у ямщиков, а по волостям у соцких и крестьян против прежнего, как кречетам мочно сытым быть, а свечи имать в ночное время к осмотру птиц как понадобится и будет которые птицы в дороге прислабуют и тем птицам на корм имать голуби сколько пригоже, чтоб те птицы завести к великим государям к Москве в целости» [15, л. 1–2].

В Москву помытчики прибыли 2 января 1684 года, потратив на дорогу чуть более трех месяцев. В обратный путь из Москвы им была дана подорожная из приказа Большого дворца за припискою дьяка Ивана Волкова [15, л. 3–4].

Доставленные во дворец великого государя ловчие птицы поступали в распоряжение царских сокольников и кречетников для подготовки (обучения) их к царской охоте. Эти специалисты были из «добрых дворян», чьи предки также служили сокольниками у великих государей, но в их число попадали и сокольники из дворцового штата крупных феодалов-землевладельцев, чьи вотчины отходили в распоряжение царя. Например, из дворцового штата боярина Н.И. Романова после его смерти в 1652 году на царскую службу в ведомство приказа Тайных дел были взяты его «столповые приказчики, стремянные конюхи, стряпчие, мастеровые люди и сокольники» [1, с. 26]. Отметим, что боярские сокольники были в основном также из провинциальных дворян, но в их число могли попасть и простолюдины, умеющие хорошо тренировать птиц для охоты.

Большинство московских дворцовых сокольников и кречетников за свою службу имели земельные государевы пожалованья – поместья. Так, в 1629 году сокольник, мценский помещик Терентий Тулубеев бил челом государю на приказных людей, «которые его крестьянишек таскают к государеву делу в целовальники и в соцкие, а у него человечишка такого нет, кому за тем делом ходить». В этом же челобитье он просил позволения самому выплачивать подати за своих крестьян – «а что сходит государевых податей с моих крестьянишек и то вели мне, государь, платить в Москве, чтобы им от тех приказных людей разоренными не быть» [18]. Эти две просьбы сокольника были удовлетворены.

В 1662 году сокольник Давыд Лукьянов сын Ковалев, имевший поместье в Судцкой Волости Белозерского уезда, «бил челом и являл» в Белозерской съезжей избе воеводе на крестьян помещика Федора Вексентьева из Андопольской волости того же уезда, которые «похваляюцца великим дурном на моих крестьянишек» [19]. Осталось неизвестным, какие меры принял белозерский воевода, чтобы оградить крестьян сокольника от угроз их недругов, но налицо факт озабоченности помещика судьбой своих крестьян и их имущества, так как «великим дурном» мог быть: поджог строений, угон скота, потрава посевов, избиение крестьян и т.д.

Дворцовые сокольники и кречетники, кроме земельных дач, наделялись также денежными годовыми окладами в зависимости от их опытности и стажа службы. О размерах их земельных дач и денежных окладов имеются следующие данные. После государевой службы сокольники, когда они в 1644 году посылались в Крым «с посланики з Григорием Нероновым да с подъячим с Микитою Головниным» в количестве шести человек во главе с сокольником Леонтием Рукиным, в 1649 году подали челобитье государю, чтобы им за крымскую службу, длившуюся несколько лет, прибавили поместные и денежные оклады. Из источника: «И по государеву указу к прежним их окладам было прибавлено Левонтею Рукину к 255 четям 55 чети, денег к 20 р. прибавлено 4 р., для того, что служит давно, Семену Чекину к 300 чети прибавлено 20 чети, к 17 р. Прибавлено 3 р., Данилу Григорьеву к 200 чети – 30 чети, и с тем, что ему придано вместе денежной придачи 50 чети, Мартину Немпирову к 250 четям – 30 чети, к 17 р. – 3 р., Дмитрею Ларионову к 200 чети – 30 чети, к 17 р. – 3 р., Матвею Корякину к 180 четям – 20 чети, к 18 р. – 2 р.» [20, л. 3]. Видно, что при вознаграждении сокольников за их крымскую службу допускалась замена денежной прибавки к окладу земельной прибавкой, как это было в случае с Данилой Григорьевым.

В 1651 году дворцовому ястребнику Ивану Патрекееву за крымскую службу прошлого 1650 году, «что он послан был в Крым с посланники з Григорьем Волковым да с подъячим з Дружиною Огарковым к прежнему его окладу поместному к 180 четям придано государева жалованья 20 чети, а денег к 9 р. придано 3 р. и денежная придача ему выдана» [20, л. 3]. О выдаче ему земельной надбавки отметки в документе нет, так как этот вопрос решался с привлечением Поместного приказа, что требовало какого-то времени.

На время выполнения государственной службы при русских посланниках дворцовым сокольникам, поверстанным в земельные и денежные оклады, кроме денежного жалования, по их окладам выдавались денежные подмоги и запасы. Так, в 1652 году «посланы по государеву указу в Крым с государевыми птицами с посланники Демидом Хомяковым да с подьячим Ермолом Клочковым сокольники и ястребники пять человек и для той посылки государева жалования дано им в приказе Большого дворца на два года по окладам сполна, да подмоги 20 р., да денег (запасу – М.Б., А.Б.) по 2 р. И всего дано государева жалования и подмоги и запаса сокольнику Данилу Петрову 77 р., ястребникам – Василию Ларионову – 62 р., Игнатею Чоголокову – 52 р., Ивану Яцкому – 50 р., Ивану Степуруну – 42 р.» [20, л. 1–3]. При росписи их денежного жалования на время крымской службы были обозначены и их поместные (земельные) оклады. Высшим поместным окладом в 425 чети были наделены Данила Петров и Василий Ларионов. Минимальный оклад в 200 чети был у Ивана Степурина. Высший денежный оклад в 275 р. был у Данилы Петрова, а минимальный оклад в 10 р. у Ивана Степурина [20, л. 1–3].

Находясь при посольствах с птицами, сокольники должны были их беречь и кормить и по пути следования в этом им должны были помогать воеводы и приказные люди согласно предписаниям царских грамот. Так, в июле 1645 году «посланники в Царьград Степан Телепнев и дьяк Алфер Кузовлев шли к Ибрагим Салтану Турскому», и с ними находились дворцовые кречетники, сокольники и ястребники, всего 10 человек, во главе со старшим Исаем Чернцовым. Они везли с собой в подарок султану 26 птиц. В государственной грамоте, которую сокольники предъявляли по пути следования, было написано: «корм на птицы... имать до Воронежа по городам от города до города, сметя от которого города до города попасть мочно, а с Воронежа взятии корм до Азова по голубю на птицу или по куряти на две птицы в день, сметя в сколько недель до Азова поспеть мочно, а деньги за корм взятии из воронежских доходов» [21, с. 75].

Кроме денежного довольствия: окладов, подмоги и запаса, сокольникам при посольствах также выделялось продовольственное довольствие в пунктах остановок за счет местных ресурсов. Так, в марте 1676 года 20 сокольникам при персидских посланниках – стольнике Б.Е. Мышецком и дьяке Петре Долгово в Астрахани было выдано «для персидской службы и для их скудостей и немощей вино двойное и простое, коврижки и черные хлебцы» [22, л. 1–3]. Этим довольствием распоряжался сокольник Остафей Долгинский, который по жалобе на него другого сокольника Льва Зеленого «разносил и рассылал его к армянкам», жившим при армянской торговой колонии в Астрахани. По этой жалобе начальник человек астраханской съезжей избы Семен Ахдаветов «велел его Остафья считать и достальные запасы приказал иному», т.е. отставил его от распоряжения довольствием, выданным сокольникам при посольстве в Астрахани [22, л. 4].

Сокольник Лев Зеленый в своем челобитье Б.Е. Мышецкому также жаловался на Остафья Долгинского в том, что «он Остафей его Льва бранил и бесчестил и называл бунтовщиком и будто он Лев со всякими ведомостями ходил и дьяку Петру Долгово и Петр за те вести дает ему жемчуг и тем он Остафей его Льва бесчестит и клеветает напрасно». Стольник Б.Е. Мышецкий, «слушав челобитье Льва Зеленого и скаски Остафья Долгинского, приговорил Льва оправить, а Остафья обвинить без суда» [22, л. 5]. Однако такое решение стольника Остафией оспорил, сказав, что «без именного государева указа отвечать не будет, а станет отвечать на Москве с именным указом, потому что сокольники в приказах бесчестья не отвечают». Тогда Б.Е. Мышецкий распорядился «взять скаски от сокольников как они отвечают за бесчестье». На этот вопрос сокольники в своей челобитной ответили так: «бесчестья они не ведают, потому что им великого государя жалования окладов нет и в прежних годах на Москве не бивали челом в брани и по указу великого государя перед кем кто виноват за бесчестье и брань чини-

ли наказание, а денег на виноватом не правливали» [22, л. 5–6]. Основываясь на этой «скаске», стольник Б.Е. Мышецкий принял решение «денег на виноватом Остафье не править, а чинить ему наказание – бить его батоги перед сокольники» [22, л. 7].

Из этого дела о дворцовых сокольниках, находящихся при русском посланнике в Персию в 1675 году, выясняется, что они по незначительным делам между собой судились по именному государеву указу и только в приказе Большого дворца и что среди них были еще неверстанные в поместные и денежные оклады, что и предопределяло в то время их «скудость и бедность». Можно предположить, что это были недавно принятые на сокольничью службу специалисты и им надо было пройти какой-то испытательный срок для определения их окладов.

Дворцовых сокольников и кречетников, как и всех представителей разных «чинов» (словий), за серьезные уголовные преступления: убийство, поджог, разбой судили в Разбойном приказе и приговаривали к разным наказаниям: смертная казнь, ссылка в отдаленные места государства и тюремное заключение. Например, из памяти из Стрелецкого приказа в Сибирский приказ от 31 августа 1671 году за припискою дьяка Ивана Горянова мы узнаем, что, очевидно, по приговору судей Разбойного приказа «великий государь указал отставленного сокольника Нефедка Ушакова сослать в ссылку в Сибирь в дальний город и быть ему в каком чину пригодца, а к Москве его ни для какого дела никогда не отпускать» [22, л. 1–2]. Присланный в Сибирский приказ отставленный сокольник Н. Ушаков в конце мая 1672 году вместе с другими ссыльными людьми был отправлен до Тюменского города через Ярославль, Вологду и Устюг Великий. Однако во время следования колодников по этапу «в Вологодском уезде на старом Каменском яму в начале августа 1672 года Н. Ушаков ночью утек из-за караула ярославских стрельцов неведомо куды» [22, л. 4–5]. После извещения – «отписки» вологодского воеводы Якова Волынского о побеге из-под конвоя стрельцов отставленного сокольника из Сибирского приказа воеводе Устюга Великого П.Т. Измайлову была послана государева грамота о его поимке [22, л. 5], но осталось неизвестным, удалось ли его поймать. В приведенных источниках нет указания, за какое преступление был отправлен в сибирскую ссылку отставленный сокольник. Отставка из дворцовых сокольников следовала по старости или болезни, когда он не мог уже выполнять свои обязанности. Его лишали, конечно, годового денежного жалованья, но земельный (четвертной) надел за ним оставался «на прожиток» его семьи. Кроме того, он после отставки мог заниматься какой-то промысловой или торговой деятельностью.

Царские сокольники и кречетники использовались не только по своим непосредственным делам сокольничьей службы, но и для других разнообразных мероприятий по поручению государя. Например, в конце 40-х годов XVII века царь Алексей Михайлович из своего села Измайлова посылал какого-то сокольника с собственноручной грамотой к архимандриту Троице-Сергиева монастыря о присылке ему трех ведер из колодца Сергия Чудотворца за своею печатью «отпев молебен» [1, с. 92].

В 1665 году сокольники Раков и Батогов по царскому распоряжению были посланы в Киев и Симбирск с грамотами из приказа Тайных дел к местным воеводам о «высылке» из Киева 30 тыс. черенков тутового дерева, а из Симбирска 20 тыс. черенков «все мерою по аршину с четью и чтоб были с почки, на которых впредь чаять отростков» [1, с. 134].

Перед приездом вселенских патриархов Антиохийского Макария и Александрийского Паисия в Москву на Поместный собор 1666–1667 годов упоминаемый уже сокольник Дмитрий Раков должен был отписать в приказ Тайных дел о состоянии известного ему сухопутного тракта из Симбирска в Москву через Алатырь, Арзамас, Муром, Владимир с указанием расстояния между городами по пути следования в Москву и состояния этого пути, мостов и переправ через

реки [23, л. 30–31]. Это описание состояния пути сокольник представил в Приказ 30 сентября 1666 года, и на основании его из Приказа были посланы «памяти о мостах и о плотах и о паромах» в четверти (приказы), где ведались описанные сокольником дороги и переправы через реки. Из четвертей должны были высылать «государевы грамоты в города к воеводам делать мосты и паромы уездным селам и деревням, которые до 5 верст от дороги» [23, л. 41].

Царь Алексей Михайлович, доверяя своим сокольникам и кречетникам, которых он перевел из приказа Большого дворца в приказ Тайных дел под свое непосредственное руководство, ставил их приказчиками в своих селах. Так, сокольник Устин Зеленый, родственник упоминаемого нами сокольника Льва Зеленого, был приказчиком в селе Измайлове [1, с. 65], а сокольник Юрий Долгинский, родственник другого упоминаемого нами сокольника Остафья Долгинского, был приказчиком в селе Соколове [1, с. 229–230]. Сокольник Зот Полозов был управляющим Аптекарским двором села Семеновского, где изготавливались напитки из меда, разные сласти и хранились продовольственные запасы для персонала Потешного двора [1, с. 229–230].

Конечно, занимая ответственные хозяйственные должности, сокольники уже не привлекались к выполнению своих обязанностей, связанных с сокольничьей службой. Для этого в штат царских сокольников вербовались новые молодые «добрые дворяне», которые на первых порах находились под опекой своих старших друзей и родственников, рекомендовавших их на службу. Эти новые сокольники какое-то время не были поверстаны в поместные и денежные оклады.

В некоторых действиях старых опытных охотников царь Алексей Михайлович усматривал политический подтекст или «заговор». Именно так он расценил их коллективное челобитье – жалобу в середине 60-х годов XVII века на неуплату им жалованья. Он за это челобитье, которое ему подали сокольники, распорядился главному «заводчику» выступления Федьке Кошелеву «отсечь левую руку, положив на столбец, к которому руки прикладывали, и остальных челобитчиков бить кнутом и батоги» [1, с. 331]. Такая несвойственная «тишайшему» царю жестокость по отношению к его любимым сокольникам была вызвана тем, что ему в их коллективном челобитье померещились элементы бунтарства – отголоски московских народных выступлений 1648 и 1662 годов.

Таким образом, благодаря источникам вырисовывается структура служебной организации дворцовых сокольников и кречетников в XVII веке. Она имела два уровня: низший (провинциальный), состоящий из сокольничьих (кречетных) помытчиков, которые ловили птиц и доставляли их в Москву, и высший, представленный столичными сокольниками, кречетниками и ястребниками, которые занимались доставленными птицами – содержали, кормили, тренировали для царской охоты, демонстрировали выучку ловчих птиц непосредственно царю во время охоты, а также воспитывали и обучали молодняк – выводки от прирученных и обученных птиц.

У специалистов дворцовой сокольничьей службы как низшего, так и высшего уровня имелись общие черты: 1) они, как правило, были из дворян, провинциальных и столичных; 2) в основном были потомственными сокольничьими, т.е. наследовали службу своих предков; 3) ведались исключительно приказом Большого дворца и некоторое время в приказе Тайных дел, где опекались, судились и вознаграждались за усердие в службе. Для сокольных помытчиков (низший уровень организации) допускались некоторые отклонения – порой не соблюдался принцип сословности и служебный принцип наследственности.

Основными обязанностями московских сокольников и кречетников были подготовка царских птиц к государевой охоте и проведение этой охоты с максимально удачными результатами для развлечения и доставления удовольствия царским особам. Московские специалисты, в отличие от провинциальных помытчиков, за свою службу обеспечивались по-

местными и денежными окладами и продовольствием за счет Дворца, а провинциальные помытчики довольствовались определенными бытовыми льготами и царским вознаграждением за поимку сверхоброчных птиц.

Сопровождение дарственных птиц при русских посольских миссиях также входило в московскую сокольничью службу. В царствование Алексея Михайловича они также использовались для различных поручений, не связанных с их службой.

Дворцовая сокольничья служба в XVII веке в той или иной степени удовлетворяла личные интересы царей и демонстрировала их приверженность культурным традициям своих державных предков, а дворцовая (царская) корпорация сокольников и кречетников была одной из разновидностей служебных организаций государственного, или дворцового, или частновладельческого подчинения.

Список литературы

1. Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. – Петроград: Научное дело, 1917. – 352 с.
2. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – 611 с.
3. Кутепов Н.И. Царская охота на Руси: Исторический очерк: в 4 т. Т. 2. Царская охота на Руси Царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, XVII век / Экспедиция заготовления гос. бумаг. – СПб., 1898. – XXIV с. – 316 с.
4. Описание актов собрания графа А.С. Уварова. Акты исторические, описанные И.М. Катаевым и А.К. Кабановым / под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского; Тип. Г. Лиснера и Д. Совко. – М., 1905. – VII. – 668 с.
5. Гусев А.В. Письма царя Алексея Михайловича как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. / отв. ред. П.Н. Зырянов; Институт российской истории РАН. – М., 2004. – С. 82–101.
6. Приказные дела старых лет // РГАДА. Ф.141. Оп. 1. № 22. 1625 г. Л. 30–33.
7. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом: в 2. Т. 2. Университетская типография (Катков и К°). – М., 1872. – 406 с.
8. Смирнов М.И. Переславские соколы помытчики. – М.: MelanarĖ, 2004. – 32 с.
9. Булгаков М.Б. Ростовские «соколы помытчики» в XVII в. // История и культура Ростовской земли: материалы конференции, 2007 г. – Ростов, 2008. – С. 95–102.
10. РГАДА. Ф.141. Оп. 1. № 54. 1631 г. Л. 6.
11. Волов А.Н. Белозерские соколы помытчики [Электронный ресурс] // VI Кирилло-Новоезерские чтения: сб. материалов межрегион. конф. / под ред. Т.А. Москаленко, С.А. Удальцовой; Белозерский областной краеведческий музей. – Белозерск, 2016. – URL: <http://belozermus.ru/12-2-2/сборник-материалов>.
12. Белозерная приказная изба // РГАДА. Ф.1107. Оп. 1. № 2587. Л. 2.
13. РГАДА. Ф.141. Оп. 2. № 86. 1647 г. Л. 741.
14. РГАДА. Ф.141. Оп. 1. № 9. 1621 г. Л. 20.
15. РГАДА. Ф.159. Оп. 1. № 106.
16. Боярские и городовые книги. Мезень. Кн. 1 // РГАДА. Ф.137. Оп. 1.
17. РГАДА. Ф.159. Оп.3. № 338. Л. 24 - 29.
18. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола // РГАДА. Ф.210. № 156. Л. 51–52.
19. РГАДА. Ф.1107. Оп. 1. № 542. Л. 5.

20. РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 633.

21. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / собр. и изд. К. Александровым-Дольником и Н. Второвым. Кн. 2. – Воронеж: Тип. Губ. правления, 1852. – 312 с.

22. РГАДА. Ф.159. Оп. 1. № 350.

23. Столбцы Севского стола // РГАДА. Ф. 210. № 215.

References

1. Zaozerskii A.I. Tsar' Aleksei Mikhailovich v svoem khoziaistve [Tsar Alexei Mikhailovich in his household]. Petrograd, Nauchnoe delo, 1917, 352 p.
2. Veselovskii S.B. D'iaki i pod'iachie XV–XVII vv. [The clerics and the clerks of the XV-XVII centuries]. Moscow, Nauka, 1975, 611 p.
3. Kutepov N.I. Tsarskaia okhota na Rusi: istoricheskii ocherk. T.2. Tsarskaia okhota na Rusi Tsarei Mikhaila Fedorovicha i Aleksei Mikhailovicha, XVII vek [The Tsar's hunt in Russia: a historical sketch. Vol.2. Tsarist hunting in Russia by Tsars Mikhail Fedorovich and Alexei Mikhailovich, XVII century]. Saint Petersburg, Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag, 1898, XXIV p., 316 p.
4. Opisanie aktov sobraniia grafa A.S. Uvarova. Akty istoricheskie, opisannye I.M. Kataevym i A.K. Kabanovym [Description of acts from the graph A.S. Uvarov's collection. Historical acts described by I. M. Kataev and A.K. Kabanov]. Moscow, Tipografiia G. Lissnera i D. Sovko, 1905, VII, 668 p.
5. Gusev A.V. Pis'ma tsaria Alekseia Mikhailovicha kak istoricheskii istochnik [Letters from Tsar Alexis Mikhailovich as a historical source]. *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.): sbornik statei*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, 2004, pp. 82–101.
6. Prikaznye dela starykh let [Decree of old age]. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.141, op.1, no. 2, 1625 g., l. 30–33.
7. Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom. T. 2 [A collection of extracts from archival papers about Peter the Great. Vol. 2]. Moscow, Universitetskaia tipografiia (Katkov i K^o), 1872, 406 p.
8. Smirnov M.I. Pereslavskie sokol'i pomytchiki [Pereslavl falconry astringers]. Moscow, MelanarE, 2004, 32 p.
9. Bulgakov M.B. Rostovskie «sokol'i pomytchiki» v XVII v. [Rostov "falconry astringers " in the XVII century]. *Istoriia i kultura Rostovskoi zemli: Materialy konferentsii*, 2007 g. Rostov, 2008, pp. 95–102.
10. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.141, op. 1, o.n 54, 1631 g., l. 6.
11. Volov A.N. Belozerskie sokol'i pomytchiki [Belozersky falconry astringers]. *VI Kirillo-Novoezerskie chteniia: Sbornik materialov mezhhregional'noi konferentsii*. Belozersk, Belozerskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 2016, available at: <http://belozermus.ru/12-2-2/сборник-материалов> (accessed 5 February 2017).
12. Belozernaia prikaznaia izba [Belozersky government office]. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.1107, op. 1, no. 2587, l. 2.
13. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.141, op. 2, no. 86, 1647 g., l. 741.
14. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.141, op. 1, no. 9, 1621 g., l. 20.
15. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.159, op. 1, no. 106.
16. Boiarskie i gorodovye knigi. Mezen'. Book 1 [Boyar and town books. Mezen. Book 1]. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.137, op. 1
17. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.159, op.3, no. 338, l. 24 - 29.
18. Razriadnyi prikaz. Stolbtsy Sevskogo stola [Order-in-charge prikaz. Columns of the Sevskiy table]. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.210, no. 156, l. 51-52.
19. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.1107, op. 1, no. 542, l. 5.
20. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f. 159, op. 1, no. 633.
21. Drevnie gramoty i drugie pis'mennye pamiatniki, kasaiushchiesia Voronezhskoi gubernii i chast'iu Azova. Book 2 [Ancient letters and other written monuments concerning Voronezh province and part of Azov. Book 2]. Voronezh, Tipografiia Gubernskogo pravleniia, 1852, 312 p.
22. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f.159, op.1, no. 350.
23. Stolbtsy Sevskogo stola [Columns of the Sevskiy table]. *RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov)*, f. 210, no. 215.

Получено 07.02.2017